

КЛИМОВ Г. А.

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Как известно, еще ранние компаративисты самокритично признавали, что они не всегда отдают себе отчет в сущности производимых ими операций. Позднее, характеризуя теоретическое наследие представителей предмладограмматической парадигмы в лингвистике, широко внедривших в генетическое языкознание практику сравнительной реконструкции, Ф. де Соссюр предъявил им аналогичный упрек, подчеркнув, может быть, в излишне категоричной форме, что они никогда не задавались вопросом, чему же соответствовали производимые ими сопоставления и что же означали открываемые ими соотношения. Не очень заметно прогрессировала теория метода компаративистики и в период господства младограмматической доктрины. Несмотря на существование к настоящему времени множества эмпирических исследований, демонстрирующих методические возможности различных разновидностей реконструктивной процедуры, а также некоторых специальных работ, посвященных конкретным приемам лингвистической реконструкции (ср. статьи Э. Германа, Дж. Бонфанте, Е. Куриловича, М. Майрхофера, М. Корхонена и др.), общее состояние разработки этой ключевой для генетического языкознания проблематики и поныне трудно считать вполне удовлетворительным, что побуждает вновь обращаться к самым основаниям лингвистической реконструкции.

Естественно прийти к выводу, таким образом, что подобно истории развития и других отраслей сравнительного — в широком смысле этого слова — языкознания, и в сфере компаративистики продвижение в разработке методического инструментария в первую очередь оказывалось побочным следствием тех или иных исследований эмпирического плана и лишь в своей некоторой части было обязанным прогрессу самой теории (нетрудно убедиться, например, в том, что даже несколько существующих введений в компаративистику по существу представляют собой введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков).

Предметом настоящей статьи служит сравнительная характеристика двух существенно различных процедур компаративистики, обычно объединяемых как единой системой символизации, так и общим термином «реконструкция», к которому мы, как правило, прибегаем на практике безотносительно к самому содержанию используемого приема и к степени достоверности строящихся при этом конструкторов. Между тем именно различия в обоих этих отношениях заставляют провести принципиальное разграничение между понятием собственно реконструкции, с одной стороны, и понятием диахронической интерпретации, с другой, необходимость которого нельзя считать незамеченной в компаративистике, но важность которого для исследовательской практики остается, как представляется, не оцененной должным образом. Нельзя не заметить, что для второго понятия пока нет даже сколько-нибудь устойчивого обозначения: так, если

оставить в стороне далеко не однозначно используемые в литературе термины «дальняя реконструкция» и «дальнейший анализ» («weitere Analyse»), то в его роли можно встретить такие не очень удачные, на наш взгляд, термины, как «reconstructive analysis» [1] или «Prärekonstruktion» [2], а также принятый ниже термин «diachronische Interpretation», предложенный в работах О. Семереньи.

Терминологически обозначенное разграничение собственно реконструкции и некоторого последующего по отношению к ней шага — диахронической интерпретации, — как правило, незнакомо компаративистам-эмпирикам. Оно, однако, пользуется все более заметной и, как это можно показать, вполне оправданной популярностью у ряда теоретиков сравнительного языкознания, нередко приходящих к нему назависимым образом. Если собственно реконструкция, предпринимающаяся с целью исторического истолкования соответствий, зафиксированных в фактической данности родственных языков, приводит к построению некоторого архетипа (праформы), то к диахронической интерпретации, уже располагающей не реальным языковым субстратом, необходимым для выполнения реконструкции, а только архетипами, компаративист прибегает при желании углубить диахроническую перспективу исследования за счет проникновения в хронологически более отдаленные этапы праязыкового состояния. Иначе говоря, если в результате процедуры реконструкции компаративист формулирует гипотезу первой степени, то продуктом диахронической интерпретации оказывается некоторая гипотеза второй степени.

Так, например, Л. Завадовский различает в этом плане сравнительную грамматику, оперирующую праязыковыми архетипами, выводимыми на базе засвидетельствованных межъязыковых соответствий (comparative grammar based on attested correspondences), и так называемую конъектурную сравнительную грамматику (conjectural comparative grammar), надстраивающуюся над первой и характеризующуюся значительно большей степенью гипотетичности (при этом автор подчеркивает, что мера достоверности самих архетипов также обычно падает с возрастанием реконструктивной глубины исследования и в рамках сравнительной грамматики засвидетельствованных соответствий) [3]. В этой же плоскости лежит принимаемое в трудах О. Семереньи противопоставление реконструкции посредством сравнения некоторого языкового материала и дальнейшей диахронической интерпретации полученного гипотетического состояния [4]. Мысль о необходимости такого противопоставления разделяется и Б. Шлератом, дополняющим его также понятием так называемой объяснительной модели [5]. У Г. Дёрфера мы находим основанное на аналогичном признаке разграничение реконструирующей лингвистики (rekonstruierende Sprachwissenschaft) и так называемой глоттогонической лингвистики (glottogonische Sprachwissenschaft), принципиальное различие между которыми заключается в том, что если первая опирается на реально засвидетельствованный языковой материал, то вторая стремится к более глубокой исторической интерпретации уже самих результатов реконструкции [6, с. 10]. Как отмечалось в докладе К. Кёрнера на VII Международном конгрессе по исторической лингвистике, такого же характера демаркационную линию между понятиями реконструкции и диахронической интерпретации так или иначе проводят и другие видные представители современной компаративистики (П. Тиме, Г. Хёнигсвальд и др.) [7]. В частности, вероятно, именно из него исходит Г. Хёнигсвальд, отмечающий, что процедура внутренней реконструкции неправомерна с методической точки зрения, если она направлена на восстановление

не праязыкового состояния [8] (среди авторов, рассматривающих диахроническую интерпретацию в качестве особой разновидности метода внутренней реконструкции, можно назвать Н. Борецки [9]).

Среди советских лингвистов различие между собственно реконструкцией и диахронической интерпретацией эксплицитно проводил И. М. Тронский. «Сравнительно-исторический метод, — писал он в одной из своих работ, — сам по себе доводил только до „архетипа“, до того пункта, с которого начинались расхождения по отдельным ветвям. Для того, чтобы пойти дальше, надо было оперировать другими методами — методом пережитков, методом системной реконструкции, образцы для которых были выработаны на неязыковом материале, например, в области доисторической этнографии. Эти методы надлежало применять к материалам уже не исторических языков, а к данным, доставленным той реконструкцией, которая была произведена путем сравнения» [40].

Однако целесообразность такого различения диктуется, конечно, не совокупностью названных выше авторитетов (тем более, что некоторые видные компаративисты — например, М. Хаас и Р. Анттила — не проводят рассматриваемого разграничения), а принципиальным различием самого существа обеих процедур восстановления, поскольку в одном случае исследование исходит из реальных языковых данных, в другом — опирается на имеющие гипотетический характер архетипы. Именно отмеченный дифференциальный признак архетипа подчеркивает его гносеологическую функцию — служить историческим объяснением реально засвидетельствованных языковых форм, в отличие от конъектур диахронической интерпретации, уже лишенных этой функции. Последнее обстоятельство не может внушать каких-либо сомнений, поскольку перед принимающимися диахроническими интерпретациями ставятся иные задачи — обычно они преследуют цель более глубокого проникновения исследования в историю языковых семей и иногда — цель обоснования их отдаленного родства.

Таким образом, статусом диахронической интерпретации располагают и так называемая внутренняя реконструкция «наиболее позднего» праязыкового состояния, и «сравнительная реконструкция» некоторого праязыка второго и больших порядков, основанная на сопоставлении архетипов праязыков меньших порядков (уже хотя бы на одном последнем основании диахроническую интерпретацию невозможно признать какой-либо разновидностью внутренней реконструкции). Разумеется, динамический подход к праязыковому состоянию, пользующийся все более возрастающей популярностью в компаративистике последних десятилетий, оправдывает стремление исследователей идти в глубь языковой истории посредством этого приема (ср. в этой связи трактовку Э. Бенвенистом реконструированного индоевропейского праязыка как объекта, допускающего дальнейший генетический анализ [11]). Однако иногда встречающиеся в практике сравнительно-исторического языкознания прецеденты специальной направленности процедуры диахронической интерпретации на доказательство отдаленного языкового родства едва ли могут считаться методически оправданными (при очевидной правомерности постановки вопроса о генетических взаимоотношениях языков целесообразно отметить, что доказательство языкового родства в этом случае не столько предмет целенаправленного исследования, сколько побочный продукт удовлетворительного знания компонентов сравнения).

Естественно, таким образом, что к числу диахронических интерпретаций должны быть отнесены любые опыты восстановления на уровне так

называемых праязыков (preprotolanguages), т. е. праязыковых состояний второго и более удаленных от современности порядков, поскольку они уже всецело основываются на сопоставлении праязыковых архетипов. В частности, статус диахронических интерпретаций со всеми вытекающими из него следствиями, и прежде всего — в отношении степени их достоверности, присущ восстановлениям, предпринимаемым во взаимно противоречащих гипотезах внешнего родства индоевропейских языков.

Напротив, к числу диахронических интерпретаций только формально относятся совокупности восстановлений, связанные с обоснованием родства между обычно мелкими и сравнительно недалеко отстоящими друг от друга генетическими группировками языков, предпринимающиеся прежде всего в американистике. Дело в том, что хотя при этом предварительно и строятся так называемые промежуточные праязыки, т. е. праязыки ближайших порядков, реальные взаимные расхождения вовлекаемых в сравнение языков сплошь и рядом не превышают порога их сопоставимости, так что искомое генетическое доказательство в принципе и здесь достижимо в ходе непосредственного — хотя бы и цепного — сравнения языкового материала. Например, Д. Холт, придерживающийся такой процедуры в своем опыте обоснования родства языков чибча с юто-ацтекскими, приходит к выводу об их тесной генетической близости («родство настолько близкое, что даже весьма странно, что оно не было продемонстрировано ранее» [12]). Действительно, приводимый им попутно конкретный языковой материал убеждает в его непосредственной сопоставимости. Ср. также публикации ряда американских компаративистов, разрабатывающих отомангскую гипотезу, согласно которой узамы родства оказываются связанными многие мелкие языковые группы Центральной Америки. Дополнительным свидетельством в пользу именно такого положения вещей служит то обстоятельство, что используемые при этом промежуточные праязыки выводятся на материале уже генетически определенным образом сгруппированных языков, что, строго говоря, возможно лишь в условиях предварительно принятого положения об их родстве (можно понять поэтому, почему некоторые американисты вообще сомневаются в наличии полноценных опытов реконструкции праязыков второго порядка [13]). Тем более нет оснований для смешения с диахронической интерпретацией нередкой в работах компаративистов и историков языка практики обращения к так называемой ступенчатой реконструкции, посредством которой прослеживаются промежуточные этапы языковой истории от праязыка до современности. Поскольку исследование не теряет при этом своей опоры на фактическую языковую данность, оно всецело остается в сфере реконструкции как таковой.

По-разному выглядит и соотношение индукции и дедукции в обеих процедурах. Если в ходе собственно реконструкции оба компонента сочетаются (индуктивное построение архетипа сопровождается дедуктивно ориентированной его верификацией), то в сфере диахронической интерпретации всецело господствует дедуктивный подход исследователя.

Глубоко различны продукты реконструкции и диахронической интерпретации и в отношении степени своей достоверности (независимо от реальной хронологической глубины восстановления). Так, если провести весьма условное по необходимости различие между относительной и «абсолютной» достоверностью, то будет нетрудно убедиться в том, что архетипы, построенные с опорой на те или иные языковые данные, должны отвечать требованию относительной достоверности, а иногда способны

удовлетворять и требованию «абсолютной» (ср. сходный подход, принятый в работах У. Лемана [14]). Относительно достоверным естественно признать архетип, адекватно выведенный из рассмотренной компаративистом совокупности межъязыковых соответствий (ср. герм. **kuningas* «старейшина рода, король»), а «абсолютно» достоверным — архетип, который удается верифицировать посредством последующего обнаружения его реального языкового antecedента в виде архаизма в каком-либо из родственных языков, в древнеписьменных памятниках или на правах заимствования в неродственной языковой среде (ср. то же герм. *kuningas*, засвидетельствованное на правах старого заимствования в прибалтийско-финских языках). Что же касается степени достоверности конъектур диахронической интерпретации, то о ней, как правило, не приходится говорить, даже в тех оптимальных случаях, когда они надстраиваются над архетипами, реконструируемые с высокой мерой надежности. Тем более трудно судить о степени их достоверности, если они надстраиваются над несколькими из конкурирующих архетипов.

Можно считать, по-видимому, что конъектуры диахронической интерпретации практически не поддаются верификации ввиду обычной невозможности проследить их реальные языковые antecedенты, с одной стороны, и ограниченной эффективности подтверждения их типологической (структурной) корректности, с другой. В этих условиях степень их правдоподобия определяется в основном субъективно окрашенной оценкой компаративиста. Об обычной несопоставимости возможностей контроля за этими построениями с перспективами верификации архетипов свидетельствует, в частности, известная трактовка праиндоевропейского **oktōy* «восемь» как исторической формы двойственного числа самостоятельно не реконструируемого числительного **okto-* «четыре», которая лишь в общих чертах подтверждается картвельским материалом: ср. лазск. *otxo-* «четыре» (восходящее к пракартвельскому индоевропеизму **otxo-*), не обнаруживающее с ним сколько-нибудь полного формального тождества [15].

В настоящее время, когда на смену безоговорочному оптимизму едва ли не всех ранних компаративистов в оценке реализма получаемых в ходе исследования архетипов пришло не менее твердое убеждение в том, что степень достоверности последних в большинстве случаев не только неизвестна, но и, как правило, не может быть достаточно строгим образом проверена, следует, очевидно, признать, что степень адекватности конъектур, получаемых в ходе диахронической интерпретации, вообще не контролируется. Отсюда становятся понятными и встречающиеся глубоко скептические оценки компаративистами соответствующих восстановлений. «Поскольку элементы разных языковых семей, чтобы было возможно сравнивать их между собой, должны быть соответствующим образом „препарированы“, — писал в этой связи Н. С. Трубецкой, — такое языковое сравнение всегда бывает связано со значительной долей произвольности и домысла, тем более, что число лексических соответствий, на которые необходимо опираться, обычно довольно невелико» [16]. Касаясь известной гипотезы К. Боргстрёма, постулирующей наличие в раннем праиндоевропейском состоянии лишь открытых слогов и являющейся хрестоматийным примером диахронической интерпретации, Э. А. Макаев со свойственным ему порой ригоризмом пишет, что она «основана не на проекции реальных данных отдельных индоевропейских языков в общиндоевропейское состояние, что возможно только тогда, когда не возникает никаких сомнений по поводу архаичности этих реконструируемых данных. Гипотеза К. Боргстрёма — классический пример чисто дедуктивного,

умозрительного построения, не отвечающего строгости и обоснованности реконструкции» [17]. Крайнюю в этом отношении позицию занимает Г. Дёрфер, вообще отрицающий правомерность диахронической интерпретации и находящий ее продукты внутренне противоречивыми спекуляциями, нередко вращающимися в логическом кругу [6, с. 10—24]. Подобные высказывания не могут все же избавить от впечатления о целесообразности обращения и к этой разновидности реконструкции в случаях, когда компаративист стремится углубить диахроническую перспективу истории языковой семьи. Представляется, в частности, что при согласовании ее результатов с данными внутренней реконструкции наиболее архаичных ингредиентов языковой семьи, а также с данными типологической реконструкции сравнительно-историческое исследование способно прийти к весьма правдоподобным выводам. Следует вспомнить в последней связи и судьбу учения Ф. де Соссюра о так называемых сонантических коэффициентах в древнейшем праиндоевропейском состоянии, характеризовавшегося виднейшими представителями младограмматизма как «чисто априористическое построение» и, соответственно, как «полная неудача», но составившего предмет пристального внимания в индоевропеистике с конца 20-х годов.

Если отдельно взятая конъектура диахронической интерпретации уступает по степени своей достоверности архетипу, то аналогичным образом выглядит и соотношение их совокупностей. Это означает, в частности, что доказательство гипотезы генетического характера, строящееся посредством сопоставления праязыков, всегда будет проигрывать в убедительности доказательству, основанному непосредственно на языковом материале.

Выше были подчеркнуты основные особенности обеих разновидностей реконструкции в их взаимном противопоставлении. Не следует, однако, полагать, что в конкретных сравнительно-исторических исследованиях они неизменно выступают в своем «идеальном» виде. В действительности производимые реконструктивные операции нередко оказываются сложнее — за счет случаев, когда диахроническая интерпретация сочетается с элементами собственно реконструкции в рамках решения некоторой, по существу единой задачи.

Одним из наиболее ярких примеров подобного сочетания может служить ларингальная теория в индоевропеистике в ее современных версиях, характеризующаяся непосредственной апелляцией к материалу исторически засвидетельствованных языков в стремлении найти себе опору в предлагаемых рефлексах древних ларингалов (ср. соответствующие ссылки на хеттские *h* и *h₂*, армянское инициальное *h* и т. п.), а также в следствиях ряда фонетических процессов, связанных в первую очередь с историей вокализма. По-видимому, последнее обстоятельство составляет один из существенных факторов, способствующих высокой популярности ларингальной теории в современной индоевропеистике. Некоторую точку опоры индоевропейским праформам с ларингалами создают и их внешние — картвельские — аналогии: например, постулируемые в работах Э. Бенвениста, Р. Шмитт-Брандта, Т. В. Гамкрелидзе и ряда других авторов корни **H₂ebh* «плести, ткать», **H₂edh* «связывать, ремень», и т. д. сопоставимы с их картвельскими параллелями типа груз. и зан. *γob-* «плести», сван. *γweb-* «улей» (< пракартв. **γweb-* «плести») или груз., мегр. *γved-* и сван. *γwed-* «ремень» (< пракартв. **γwed-* «ремень, привязь»), возможно, указывающими в каком-то приближении на конкретные антропoфонические характеристики их индоевропейских antecedентов (в на-

стоящее время возникает возможность показать, что начальный звонкий-спирант в приведенных корнях не развит в силу некоторого «обострения» *и* на картвельской почве).

В принципе аналогичным оказывается *modus operandi* и так называемой глоттальной теории в трактовке праиндоевропейской консонантной системы, сформулированной в недавних работах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Если бы авторы ограничивались операциями, производимыми исключительно над архетипами, то о выходе в их исследованиях за пределы диахронической интерпретации не приходилось бы говорить. Однако поскольку эта теория также обнаруживает тенденцию к поискам поддержки в фактическом материале реальных языков (в частности, в глоттальной серии согласных, представленной в армянских диалектах, и в предполагаемых рефlekсах смычногортанных в виде некоторых просодических признаков германских языков, ср. [18, с. 12—17]), то и в этом случае палицо обращено к элементам собственно реконструкции, что, по всей вероятности, и служит важным фактором, вызывающим к этой теории симпатии со стороны целого ряда крупных индоевропеистов уже в настоящее время.

Еще одним примером органического сочетания обеих разновидностей реконструкции в компаративистике является разработка в американистике алгонкинско-ритванской гипотезы, основанной на сопоставлении реконструированных праалгонкинских архетипов с фактическим материалом языков виют и юрок. Такой характер сравнения обусловлен тем неоднократно подчеркивавшимся М. Хаас обстоятельством, что последние весьма далеки друг от друга, вследствие чего их взаимное родство прослеживается более или менее отчетливо только на фоне односторонних связей обоих с алгонкинскими языками, ср. [19].

В заключение остается заметить, что разграничение понятий собственно реконструкции, с одной стороны, и диахронической интерпретации, с другой, представляется полезным не только для компаративистики, но и для других отраслей языкознания, располагающих отчетливым диахроническим аспектом, и прежде всего — для исторической типологии и для глоттогенетических исследований.

[ЛИТЕРАТУРА]

1. *Dyen I.* Reconstruction, the comparative method and the protolanguage uniformity assumption // *Language*. 1969. V. 45. No 3, P. 508—509.
2. *Penzl H.* Das Rekonstruieren des «prähistorischen» Lautwandels // *Proceedings of the twelfth International congress of linguists*. Innsbruck, 1978. S. 508 ff.
3. *Zawadowski L.* Theoretical foundation of comparative grammar // *Orbis*. 1962. 11. P. 7—18.
4. *Семеревы О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 13.
5. *Schlerath B.* Ist ein Raum- / Zeit-Modell für eine rekonstruierte Sprache möglich? // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1981. Bd. 85. Hf. 2. S. 188.
6. *Doerfer G.* Lautgesetze und Zufall. Betrachtungen zum Omnicomparativismus. Innsbruck, 1973.
7. *Koerner K.* Reconstruction in historical linguistics. Ottawa, 1985 (потрапнт).
8. *Hoenigswald H. M.* Internal reconstruction and context // *Historical linguistics*, 1974. II. S. 200.
9. *Boretzky N.* Laryngaltheorie und innere Rekonstruktion // *IF*. 1975 (1976). Bd. 80. S. 56—57.
10. *Тронский И. М.* Общинеоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л., 1967. С. 5.
11. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 26.
12. *Holt D. C.* Evidence of genetic relationship between Chibchan and Uto-Aztecan // *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley linguistic society*. Berkeley, 1977. P. 283.

13. *Proulx P.* Proto-Algic I: Phonological sketch // IJAL. 1984. 50. No 2. P. 164.
14. *Lehmann W. P.* Historical linguistics. An introduction. N. Y., 1962. P. 103—104, 255.
15. *Климов Г. А.* Картвельское **otxo-* «четыре» ~ индоевропейское * *okto-* // Этимология. 1975. М., 1977. С. 162—163.
16. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 61.
17. *Макаев Э. А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977. С. 182.
18. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I. Тбилиси, 1984.
19. *Haas M.* Algonkin-Ritvan: the end of controversy // IJAL. 1968.24.